

Их взгляды живые. Если бы это было не так, они бы ни за что не заставили меня так сильно задыхаться. Никто не смотрит на меня, но в то же время все смотрят.

Со вчерашнего дня я превратился в клоуна. Главный герой пьесы, которую разыгрывают в этом маленьком квадратном классе на потеху тридцати зрителям. Конечно, моя пьеса заканчивается трагедией. К сожалению, у меня нет кого-то, кто мог бы меня защитить.

Самым большим признаком того, что атмосфера изменилась настолько агрессивно, были Пак Хаон и Им Юнки.

Я предвидел подобную реакцию. Вот почему, когда я вошел в класс и сел, я намеренно не поздоровался с ними первым.

— ...

Прежде чем сесть, я посмотрел на них обоих сверху вниз. В конце концов, Пак Хаон повернулся первым и поприветствовал меня. Им Юнки последовал за ним, украдкой поглядывая в мою сторону.

— Привет.

— Да... Привет.

Короткое приветствие. Только после него я смог сесть.

Тем не менее, они оба время от времени поворачивали головы и заговаривали со мной на переменах. По большей части это была обычная, бессмысленная болтовня. Как всегда. Но я чувствовал тонкую стену между нами, и это до боли ясно давало понять – они держатся от меня на расстоянии.

По иронии судьбы, первым, кто начал разговаривать со мной более активно, был О Енджун.

О Енджун все время оборачивался, чтобы посмотреть на меня. Он выглядел так, словно хотел что-то сказать, но затем, несколько раз, его взгляд метался в сторону задней части класса, прежде чем снова поспешно устремиться вперед.

— ...Идиот.

Сначала я удивлялся, почему он все время оглядывается. Но осознание пришло практически сразу.

В самом конце класса сидел Го Ёхан.

— Жалкий придурок...

Я пробормотал проклятие себе под нос, достаточно тихо, чтобы никто не услышал. Ревность и злость жгла меня изнутри.

Го Ёхан был рожден, чтобы быть любимым, чтобы смотреть сверху вниз на всех в этом классе.

Из всех его родственников он больше всего пошел в своего отца. Есть определенные генетические черты, которые просто невозможно преодолеть. Возможно, именно поэтому люди всегда тянулись к нему. По крайней мере большинство хотело быть рядом с ним.

По правде говоря, многие завидовали Го Ёхану. Многие из них завидовали его привилегиям.

Даже Хан Джун У нравился Го Ёхан, правда же? Вот каким необъяснимым обаянием обладал Го Ёхан.

Несмотря на это, я думал, что у меня есть преимущество в этом классе. Я верил, что первое место в школе может быть своего рода властью. Нет... Я был уверен в этом.

Но мне потребовалось слишком много времени, чтобы понять, что быть первым в школе – это то же самое, что быть мишенью. Потому что раньше я никогда не был первым.

В отличие от Го Ёхана, мне не везло, когда дело касалось людей. И сегодня этот результат проявился в полной мере.

Почему все любят Го Ёхана, который сидит в самом конце кабинета?

Го Ёхан ничего не сделал в этом классе. Он никогда не пытался создать группу, никогда не высмеивал учителя, никогда не выбирал мишень для травли.

И все же Го Ёхан стал главным героем этого урока. В отличие от меня, его пьеса была комедийной.

Го Ёхана никогда не волновало, что думают другие. Он мог с громким хрустом вскрыть пакет с чипсами и с аппетитом жевать, не вызывая ненависти. И все же, каким-то образом, он, естественно, занимал самое высокое положение.

Как только мной овладело смутное чувство неполноценности, Го Ёхан пошевелился. И моя игра началась.

Раздался громкий скрежет, когда металлический стул задвигался по полу. Конечно же, шум исходил из самых задних рядов.

Затем я услышал шаги. Я услышал, как люди отходят в сторону. Шаги остановились прямо передо мной.

Я уже знал, кто был источником шума, поэтому не поднимал головы. Я совершенно не хотел этого делать. Но я не мог контролировать свой слух.

— Что ты делаешь?

Он разговаривал не со мной. Я знал это, потому что Им Юнки, сидевший передо мной, пробормотал что-то в ответ.

— Хм? Э-э...

— Ты можешь подвинуться? Мне нужно сесть.

Перед моим затуманенным взором я увидел руку Го Ёхана. Четки все еще были на месте. Рука с четками, небрежно засунутая в карман его форменных брюк.

Я опустил голову еще ниже, делая вид, что учусь.

— О, э-э-э! Извини.. Садись, конечно...

— Спасибо.

Кто вообще заставляет кого-то извиняться за то, что он уступил свое место?

И кто позволяет кому-то занять это место и получить извинения в ответ?

Го Ёхан сел на стул Им Юнки, положив обе руки на мой стол. Но он еще не закончил.

— Эй, а ты что ты делаешь?

Послышался шорох. Кто-то торопливо двигался. Все, что я мог видеть, это тень, упавшую на мой рабочий лист.

Тихий голос Го Ёхана стал еще тише.

— Мне нужно поговорить с Кан Джуном.

— О, извини! Продолжайте...

Стул снова громко заскрипел. Раздался леденящий душу скрежет по полу. Затем я услышал, как Пак Хаон и Им Юнки удаляются по коридору, слегка волоча ноги, как будто им не хотелось уходить.

Наконец, вокруг меня никого не было.

Только тогда Го Ёхан, наконец, заговорил со мной.

— Кан Джун.

Кан Джун. У меня сжалось сердце.

Ему действительно нужно было так говорить?

У меня перехватило горло, и я не мог вымолвить ни слова. Я не хотел, чтобы кто-нибудь видел меня таким раздавленным.

Я не ответил. Вместо этого я принялся царапать бумагу механическим карандашом.

— ...

Когда я не ответил, тень Го Ёхана выросла над моим столом.

Его теплое прикосновение коснулось моего уха, и он прошептал тихо, почти нежно:

— Посмотри на меня.

— ...

Я был всего лишь собакой. Собакой, привыкшей подчиняться.

Почему даже в такой момент я должен был подчиняться?

И все же я поднял голову сам.

Даже тогда я не хотел смотреть на Го Ёхана, поэтому мой взгляд был слегка опущен.

Го Ёхан выпрямился с довольным выражением лица.

Затем он заговорил снова.

— Кан Джун, что ты делаешь?

Если кто-то повторяет один и тот же вопрос дважды, это означает, что он требует ответа.

— ...Решаю задачу.

— Ах...

Го Ёхан слегка изогнулся. Его взгляд переместился на середину класса.

Затем, словно испытывая неподдельное любопытство, он заговорил, обращаясь не к кому-то конкретному, а ко всему классу.

— Эй, ребята. Я что-то сделал?

— А разве нет?

Откуда-то донесся голос, полный интереса.

— Тогда почему... все на меня пялятся?

Но Го Ёхан никогда не дает людям тех ответов, которые они хотят услышать.

Склонив голову набок, он указал на себя.

Затем его следующие слова безошибочно прозвучали как приказ.

— Я не хочу, чтобы на меня смотрели.

Раздался короткий смешок.

Даже в тот момент я не поднимал глаз и молча смотрел на свой стол. Тело Го Ёхана, которое было повернуто ко мне, вернулось в исходное положение.

Его четки упали на стол.

— Кан Джун. Я хочу тебя кое о чем спросить. Ты сможешь мне ответить?

— ...Да.

Черта с два ты бы позволил, если бы я не ответил. Я изо всех сил старался, чтобы мой голос не дрожал, когда я отвечал.

— С кем ты обедаешь в последнее время?

— Почему тебя это волнует?

— Кан Джун. Ты обещал, что ответишь мне.

Блять. Я крепче сжал механический карандаш.

— ...Я ем один.

— О, правда?

Его тон внезапно стал до смешного веселым. Затем он усмехнулся про себя - громко, откровенно. Издевательский смех, сочащийся снисходительностью. Мгновение спустя он прикрыл рот рукой, делая вид, что подавляет его, и помахал другой рукой в воздухе, как бы оправдываясь.

— Нет, нет. Я не смеюсь. Просто я так давно не ел с тобой и чувствую себя немного обделенным, понимаешь?

— Я же говорил тебе. У меня болит нога, повреждена рука, и у меня не хватает времени на учебу, поэтому я не могу ходить в столовую.

Наглая ложь.

Но у меня не было другого выбора, кроме как солгать.

Потому что Го Ёхан и так давил меня.

Он сказал всем не смотреть? Как будто это могло помешать им. Я слышал, как они перешептывались, их возбуждение было практически осязаемым.

— О?

— ...

Я так крепко сжал механический карандаш, что, казалось, он вот-вот сломается, но мне все равно удалось сохранить невозмутимое выражение лица. Мои девятнадцать лет притворства остались в силе.

Но Го Ёхан, который превратил мучение других в хобби, растоптал все мои ожидания.

— Когда это ты такое говорил?

— ...Раньше. Когда я впервые получил травму.

— Эй, нет, я никогда не слышал такого от тебя.

Го Ёхан прикрыл рот рукой и ухмыльнулся.

— Что за черт? Не ври мне.

— Может быть, ты просто не помнишь?

Меня охватило отчаяние. Если я не мог защитить себя, мне приходилось нападать. Ведь лучшая защита - это хорошее нападение.

— А разве ты не умеешь врать? Вранье - это, по сути, твое хобби. Так что, если ты собираешься это делать, по крайней мере, делай это хорошо. Ты слишком очевиден.

— Я не вру. Ты просто не помнишь. Но ладно, я повторю еще раз - я занят.

— Незаметная ложь безвредна, но очевидная ложь - это преступление.

Го Ёхан игриво пожал плечами и продолжил.

— Ты виноват.

Затем он снова прикрыл рот рукой и рассмеялся.

Он действительно находит это забавным?

Мои глаза горели. Моя рука дрожала, когда я сжимал механический карандаш.

Но, в отличие от меня, Го Ёхан был совершенно спокоен. Он протянул руку и взъерошил мои волосы.

— С этого момента я буду угощать тебя обедом, так что просто ешь. Не ешь ничего странного, ладно?

— ...

— Скажи "хорошо".

Его рука оставалась мягкой, когда он гладил меня по волосам.

Я продолжал смотреть в пол. Мое горло сжалось, заставляя меня сглотнуть, но мне казалось, что вместо этого я проглатываю свои слова.

Мне пришлось вытащить свой ответ из самого дальнего, потаенного уголка сознания.

— Я не хочу...

— ...

Рука, гладившая мои волосы, резко остановилась.

Го Ёхан, который так самодовольно улыбался, похолодел.

Рука, которая трясла мою голову, медленно скользнула вниз, проведя по изгибу моего уха, прежде чем коснуться щеки.

Я вздрогнул, когда его пальцы коснулись края моего уха, и он намеренно отступил назад, касаясь кончиками пальцев моей кожи.

Я опустил свободную руку на бедро и крепко сжал его.

Блять.

Рука Го Ёхана, наконец, легла на мою щеку. Затем он легонько шлепнул меня.

Что-то среднее между шуткой и чем-то серьезным. Но достаточно, чтобы причинить боль.

— Тебе действительно нужно было так сказать?

— ...

— Знаешь, это больно.

Тот, кто на самом деле причинил мне боль, был он.

Я отказался ответить.

Вместо этого я снова опустил голову и уставился на свой бесполезный рабочий лист, делая вид, что сосредотачиваюсь. Обводя цифры кружочками, проводя линии под буквами.

Го Ёхан долго сидел, наблюдая, размышляя, не двигаясь.

Затем, ни с того ни с сего, он вскочил со своего места и выбежал из класса.

Дверь захлопнулась с такой силой, что задрожали стекла в окнах.

Я рефлекторно зажмурился.

В классе стояла тишина до следующей перемены.

Я изо всех сил сдерживал переполнявшие меня эмоции. Только когда другие потеряли интерес к этому короткому зрелищу, я наконец сбежал в туалет.

Чем ближе я подхожу к этому сырому, уединенному месту, тем быстрее становились мои шаги.

Как только я распахнул дверь кабинки, я поспешно запер ее на задвижку.

Затем я опустился на пол.

Я молча вытер слезы.

Для меня все было кончено.

После того, как Го Ёхан вышел из класса, ни один человек не спросил меня, все ли у меня в

порядке.

Вместо этого, когда он вернулся, несколько ребят сразу же собрались вокруг него.

— Что случилось?

— Эй, почему у меня такое странное настроение?

В тот момент, когда я услышал эти слова, я понял.

Мне действительно конец.

Забившись в угол кабинки, я подавил рыдания.

Но я позволил слезам течь свободно.

Я не вытирал их, боясь, что, протерев лицо, оно распухнет, – боялся, что будет заметно, что я плакал.

<http://bllate.org/book/12586/1349136>